

HAL
open science

Слово, как путь к самому себе*

Dominique Samson

► To cite this version:

Dominique Samson. Слово, как путь к самому себе*. Шесталовские чтения: материалы: I научно-практической конференции с международным участием (г. Ханты-Мансийск, 20–23.09.2017). – Ханты-Мансийск: АО “Издательский дом “Новости Югры”, 2019, с. 58-69., Sep 2017, Ханты-Мансийск, Russia. <hal-03120091>

HAL Id: hal-03120091

<https://hal.science/hal-03120091>

Submitted on 25 Jan 2021

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire **HAL**, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

Слово, как путь к самому себе*

Слово поэта – талисман спасения.

Юван Шесталов

До сих пор помню, когда Юван Шесталов вручил мне текст своего доклада «Слово поэта – талисман спасения», когда мы в первый раз встретились в Ханты-Мансийске по случаю VIII Конгресса финно-угорских писателей в 2008 г. Один год до этого я сам написал про мансийского поэта, что его единственным Отечеством, может-быть, являются эти слова, которые он собирает и сочетает, произведение за произведением, создавая таким образом свою собственную Вселенную, где он стал вне пределов досягаемости. И над когда-то живым садом дедушки Ас-ойки никто и ничто теперь не властно: ни вышки, ни нефтепроводы, ни факелы, ни газопроводы. Тайга была спасена: она была в нём самом [2].

Долго таёжники рождались и вырастали в окружающей среде, у них был свой природный темп жизни. Резкое ускорение времени, вековая гомогенизация ценностей и постепенная маргинализация традиционного образа жизни ставили под угрозу систему знаний, которую передавала устная традиция. Тем не менее слово, очевидно, является одним из методов спасения. Но я имею в виду, что не только слово поэта, но и слово народа манси, оленевода, охотника-рыбака, хозяйки, городского и посёлочного жителя – талисман спасения. В культуре устного творчества слово, естественно, становится основополагающим в образо-вании общественной памяти. Поэтому, помимо моих исследований, я обычно собираю рассказы, повествования о жизни, как Артурри Каннисто записал личные песни или песни о судьбе от мансийских информантов в 1901–1906 гг. [3]. Время не позволяет мне предложить записанные мной рассказы, но я представлю вам мои размышления о подобном «биографическом подходе», который часто критикуется, игнорируется или мало практикуется во Франции. Я постараюсь показать, опираясь на опыт моих собственных полевых работ в ХМАО и ЯНАО, насколько слово коренного жителя ценно для исследователя: оно представляет собой не столько устный архив, сколько непосредственную передачу знаний, мысль в действии, значит, возможное лечение.

Слово как противодействие

В меняющемся мире – либо равнодушном, либо враждебном, либо доброжелательном, в зависимости от временных периодов – развитие коренных культур, развитие, которое когда-то было естественным, сегодня является вызовом для нас всех. В то же время, когда учёные говорят о климатических изменениях, несущих угрозу образу жизни манси, хантов и ненцев, вопрос о развитии этих народов ставится ещё острее.

* Статья написана в рамках научного проекта, выполненного при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

Как запечатлеть и сохранить жизненный опыт малочисленных народов, традиционно не имеющих письменности? История долгое время признавала только однозначную позицию. Несмотря на остроту вопросов, ставившихся такими миссионерами, как отец Шемановский в Обдорске [5; 7] или сибирскими областниками [8], стремление центральной власти — ставшее непреклонным в годы советской власти — навязать определённый язык и определённую культуру Другому, предопределить историю его развития, навязать политическое и экономическое управление его территории [см. 9], с одной стороны, на долгое время вынудило Другого отказаться от своей идентичности и глубоко запрятать собственное Я и собственное Мы, носивших определение со знаком минус, но и, с другой стороны, заставило осознать это самоотречение, отказ от себя и возбудило желание вновь обрести свою самобытность и отобранное жизненное пространство [см. 1]. Что касается исследователя, ему часто кажется проще и научнее подкреплять свои идеи текстами, носящими официальный характер, статистическими отчётами, наблюдениями и результатами опросов. Коренные же жители до сих пор не имели возможности провести собственное исследование проблемы.

С этой точки зрения жизнеописание, рассказ о жизни, составляет важный методологический инструмент, так как позволяет запечатлеть в момент бытия механизмы взаимодействия с Другим и ситуации, в которых многие идентичности накладываются друг на друга, смешиваются, дополняют друг друга или сталкиваются, вызывая конфликты. Как, например, два социальных пространства, проживаемых попеременно в двух разных языках, соответствующих двум культурам, которые вступают во взаимодействие и/или в соперничество: русский, язык образования и национального пространства, синоним Культуры и Власти, и язык коренного населения, то есть язык ближайшего окружения и язык нашего Мы, дома и традиционных ремёсел и занятий.

Если брать в рассмотрение образование — или как минимум ту его концепцию, которую имел в виду «цивилизатор» — *неопытный опекун*, как говорил о нём отцу Шемановскому старый остяк, живший в Кунжольских юртах [6], — оно высоко ценилось центральной властью и коренными писателями, которые всем были обязаны образованию. Но что об этом говорят сами манси, ханты и ненцы? Необходимо поспособствовать, чтобы после десятилетий полной тишины прозвучало наконец мнение коренного жителя¹. Иногда рассказ о себе ставит под сомнение границы, которые вам были обозначены Другим, ломает представление, превратившее вашу историю в белую страницу, вашу землю в пустыню, сделавшее ваш язык нечеловеческим пространством, с целой вереницей отрицательных этнотипов:

Мои родители ханты. Моего папы не стало, когда я была маленькой. И мы жили с мамой вдвоём. На хантыйском языке дома мы не разговаривали.

¹ Здесь, конечно, не идёт речь о коммуникативной функции молчания; см. [4].

Хантыйскую речь я слышала редко, только когда мама звонила моей бабушке в п. К... Каждые выходные мама звонила бабушке по телефону, непонятная речь казалась мне языком шпионов. Мне хотелось понять, о чём же они говорят, иногда я спрашивала у мамы отдельные слова, она мне переводила их, а я запоминала. В первый раз мы поехали в К., когда мне было 6 месяцев. Затем каждый год мы навещали наших родных.

А однажды со мной произошёл такой случай. Мне было три года, когда моя мама с коллегами поехала в г. С. на международный фестиваль и взяла меня с собой. В первый же день фестиваля за мной приехали мамы два брата. До обеда они сделали свои дела в городе, а после обеда мы должны были ехать в посёлок. Зимой в С. после часу дня уже начинается темнота. Когда мы начали готовиться к отъезду, на улице уже было темно.

Мне надели малицу, а мама надела ягушку. Мне казалось, что мы с мамой сели в сани «Бурана» вместе. Мы ехали два часа от С. до К. на «Буране». Каково же было моё удивление, когда мы приехали в посёлок, а мамы рядом не оказалось!

Рядом со мной в санях сидел мой дядя, я была очень сильно расстроена и растеряна. Дяди меня завели в дом моих бабушки и дедушки. Они сидели за низким хантыйским столиком и пили чай, вели неспешный разговор. Увидев меня в малице, они поздоровались со мной на хантыйском языке. Бабушка меня поцеловала, сняла малицу и говорила только по-хантыйски. Меня охватил ужас!!! Я ничего не понимала и рядом не было родного человека – мамы. Я заплакала. Дедушка и бабушка пытались меня успокоить, утешить. Но я продолжала плакать.

Дядя мне объяснил, что мама придет через два дня, она работает в С. Дедушка с бабушкой пытались меня накормить мясом, рыбой, давали конфеты. Но я ни к чему не притронулась. Мне казалось, что я нахожусь у индейцев (...)².

Можно выдвинуть основополагающие аспекты культурного наследия, которые воссоздают устное творчество, если можно так выразиться, «изнутри» как живую общность, управляемую внутренней гармонией, а не как произвольное складирование обычаев и явлений, чьё существование просто засвидетельствовано. Пострадав от символических агрессий, которые доминирующая культура волей-неволей нанесла языку и культуре коренных народов, таёжники упрятали глубоко в себя эти маркеры идентичности и скрывали их как увечье. Отсюда сложность, возникающая при описании своего образа жизни, мышления и самоопределения, так как укоренилась привычка обесценивать его. Взаимодействие между исследователем и субъектом становится полным, так как по мере построения диалога расспрашиваемый постепенно осознает важность своего рассказа и через него – важность сохранения своей самобытности.

Исследователь может, не вырывая историю из действительности, неотъемлемой части полевых работ, понять, как все эти аспекты содействуют образованию единой структуры на уровне вербального поведения повествующего о себе. У меня нет возможности проанализировать подробно мои данные, но мой опыт показывает, что именно слово лежит в основе воссоздания общей и частной истории. Подобно позвоночнику, слово «изнутри» дарует силу и противостоит разрушению, вызываемому безнадежностью ситуации и неадаптированной к культурному контексту политикой.

² Сообщение Виктории Сязи (1987 г.р.).

Жизнеописание между самоанализом и диалогом

Метод биографического подхода основывается не на монологе, напротив, является результатом тесного сотрудничества и взаимного доверия. Во время полевых работ именно эти два аспекта вызывают желание у коренного населения рассказать о себе. Чаще всего это не разговор на заданную тему, но взаимоотношения, в которых исследователь и коренной житель общаются друг с другом, то есть своеобразный творческий процесс, цель которого – научиться уважать самого себя.

Для манси, хантов и ненцев слово осязаемо, осязаемо. Оно исходит из тела, распространяется в пространстве и проникает, вибрируя, в тело Другого или в природу: оно может быть благотворным или разрушительным. Помимо прочего, оно не позволяет установиться тишине, в то время как нехватка красок и впечатлений может привести к созданию опасных ситуаций и к жестокости по отношению к самому себе.

Во имя объективности и стремления к научности исследователь часто вынужден обращаться с живыми людьми, как с застывшими фактами, систематизировать, структурировать то, что исполнено борьбы и противоречий, рассматривать как раз и навсегда условленное и неизменное то, что, по сути, является живой историей. Учёный не желает терять дистанцию, продиктованную самим положением «вышестоящего чужака», чтобы объективно изучить общины Севера, единственные представляющие интерес для него. Но как изучать отдельные личности в процессе прогрессивного и постоянного исторического изменения социальных отношений? Очевидно, что собирание слова должно сопровождаться глубоким изучением общины, общества, внутри которых рассказчик живёт и работает.

Использование в работе биографических рассказов не имеет целью хронологически восстанавливать конкретный личный опыт, но служит, чтобы показать, как отдельный человек реагирует на культурные нормы, которые общество навязывает ему, выявить внутренние закономерные следствия. Текст и контекст неотделимы. Важно понять, как, столкнувшись с экономическими, политическими и идеологическими потрясениями общества в целом, человек вынужден избирать тот или иной тип поведения:

Из дошкольной жизни запомнился случай. Папа приехал из посёлка расстроенный. Из разговора родителей узнала, что было собрание. При всех людях его очень ругали и позорили. Большие начальники, сидящие за красным столом, говорили, что другие мужчины по два-три раза перевыполнили планы по вылову рыбы и добыче полевой пушнины, а он с одним из заданий не может справиться. И достоин ли такой лентяй быть в колхозе имени товарища Сталина? О причинах невезений не стали слушать.

После чаепития папа взял нашего нытарму, раза два хлопнул и вынес на улицу со словами: «Давай-ка и ты поработай, выгонят нас из колхоза, куда пойдём?» И, конечно, душа дедушки не осталась равнодушной. Мой папа поймал в капканы несколько песцов. Только до сегодняшнего дня не знаю, хватило ли этой добычи для выполненного плана. Тогда я думала, что план

что-то большое, голодное. Он требовал, требовал. Взрослые между собой говорили, что зимой и летом надо выполнять и перевыполнять. План был сильнее богов и шаманов.

Биографический материал привлекает исследователя своим богатством; анализ его подводит к формулированию новых предположений, выдвижению новых гипотез, иногда к изобретению новых теоретических принципов. Жизнеописания, подобные рассказам манси, хантов и ненцев, являются одним из путей к пониманию силы непрерывного воздействия обычаев, общественных институтов, верований, кровных связей на поведение отдельного человека или, другими словами, того, как культура служит основой, сотканной из нитей отдельных судеб.

Собирание рассказов о жизни заставляет исследователя точнее определить своё назначение и усомниться в правильности своих методов. Он больше не вправе довольствоваться воспроизведением классической проблематики. Истории из жизни вынуждают его приступить к действиям, изменить взгляд, чтобы добиться внутреннего видения общества.

При осуществлении исследований нужно иметь право на субъективность. В большинстве опубликованных работ антрополог кажется невидимым духом, который записывает и наблюдает, эмоционально не участвуя. И никто не говорит ни об отношениях, которые объединяют антрополога и рассказчика, ни о том, что именно качество этих отношений в конечном счёте предопределяет появление рассказа.

Заключение

Если задуматься о явлениях разрыва, беззакония, кризиса, которые сопровождают скоропалительные изменения жизни тех, кто участвует в новых формах существования, чужой жизненный опыт может позволить определиться с выбором некоторых стратегий, которые сгладили бы отчасти неуравновешенность и потрясения от слишком резких изменений. Это не только культурное содержание этнического идентичества, но и также механизмы взаимодействий, которые разработают, сохраняют или ставят под сомнение как коллективные границы, так и то, кто мы есть.

Благодаря слову, люди, неспециалисты, иногда неграмотные, могут рассказать о себе и поделиться опытом спонтанно, естественно. В общем, исследователь склонен «тормозить» свободу речи, слова, окончательным объяснением, которое он даёт. Наоборот, рассказ манси, ханты или ненца о себе «даёт жизнь» подавленному культурному пространству, динамике, позволяющей адекватное движение противоречивых идентичеств. Ввёрнутое им слово даёт уверенность в себе, производит лечебный процесс, к которому мы все стремимся, ведь индивидуум не просто является объектом, а субъектом в определённом жизненном пространстве. Рассказ о себе объединяет фрагменты жизни ребёнка и взрослого, приводит их в порядок и превращает в значащее целое человека.

Таким образом, манси, ханты или ненец перестроит себя: он больше не ограниченное существо, запершееся в роли информанта, а актёр, который может осознать через освобождённое слово то, что в прошлое или настоящее время ему помогает или вредит в его социальной жизни, значит то, что в будущем ему снова поможет или навредит. Он ловит себя на размышлении:

Как всем, которые мне уже говорили о тебе, наша беседа оказалась очень полезной мне. Лично меня навела на размышления о моём присутствии в жизни моего народа, о снегах на моей земле, о роли моей земли в жизни России. Я тебе сказала, что обычно молчу, потому что, где бы ты ни был, знаю, что дыхание хантыйских Земель всегда с тобой: хорканье оленей, бодрое скольжение лыж охотника, робкий рассвет короткого Дня и длинной, задумчивой Ночи, такие же чистые Снега и синева хантыйского Неба!

Письменное, кажется, ни доставляет чувство постоянно обогащать память, ни предполагает присутствие действующего лица, тогда как слово требует не только присутствия исполнителя, но и тела его, через голос, дыхание, темп [10]. Как сегодняшние рассказы о себе, так и личные песни прошлых веков оживляют судьбоносные часы из жизни манси, хантов и ненцев. Мне даже вспомнится Няврам урыл, быличка Варвары Васильевны Алгадьевой (1940–2000) о мощной силе слова у верхнесосвинских манси:

(...) Пёс тӓгыл потыртӓлаве: «Мӓнь пуӓктӓл няврам «Лӓ» лӓтӓуыл потырты. Пуӓктӓл няврам пуссын торгамты, пуссын вӓг». Тав элмхӓлас номтанэ, манхурип хӓтпа: ёмас ман люль. Манхурип олупсал олы, тав няврам, пуссын вӓг. Хӓнь ты няврам пуӓканэ нӓглӓгыт, лӓвавэ: «Уссамыг та ёмтыс».

Тувыл та миннэ хум, мӓйхум, та мӓнь няврам катын вистэ, а мань няврам та патыс такви «Лӓ» лӓтӓӓтил матаре сӓмпылтаӓкв. Хоса та матаре та хум нупыл потыртас. Няврам потыртан пӓйтнэ юи-пӓлт, та няйтхум лӓви: «Няврам ӓнумна лӓвыс, хӓнал хӓтал тах, элн олнэ усьу мӓт, кӓсна колт, кӓр пусас тапӓлт накын тот патӓгын, сорумн тот патӓгын».

Хоса ман вӓти олыс, та вӓрмаль юи-пӓлт. Акваторт репрессия порат, Сталин хӓныг олнэ порат та хум пуввес, арестуйтавес. Тюмень усьу кӓсна колн ты тотвес, тот и холтвес, порславес. Тамле ты вӓрмаль ӓлыс.

5 С давних пор рассказывают: «Маленький ребёнок до появления зубов разговаривает на “ло” языке. Беззубый ребёнок всё понимает и знает. Он знает мысли людей, какой человек: добрый или злой. Какой жизнью человек живёт, ребёнок всё об этом знает. Когда у этого ребёнка прорезаются зубы, говорят: “Теперь он стал уже глупым”. Считается, когда появляются у ребёнка зубы, то он уже теряет такую способность, какая была раньше, до появления зубов.

И вот гость, мужчина-шаман, взял на руки того маленького ребёнка, а маленький ребёнок стал на своём “ло” языке что-то лепетать. Долго что-то тому мужчине говорил. После того, как перестал ребёнок говорить, тот мужчина-шаман говорит: “Ребёнок сказал мне, что в будущем, в отдалённом городе, в тюрьме, ограждённой железной оградой, с Вами случится беда, Вы умрёте там...”

Долго ли, коротко ли прожил мужчина после того случая. И вот в то время, когда правил страной Сталин, когда людей стали репрессировать, того мужчину-шамана арестовали. Увезли его в тюрьму в город Тюмень, там его и расстреляли». Текст записала Мария Владимировна Кумаева, сотрудник Обско-угорского института прикладных исследований и разработок в г. Ханты-Мансийске.

Литература

1. Доминик Самсон Норман де Шамбур. К вопросу о рае у ненцев и обских угров (XIX–XXI вв.) // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 49. – С. 132–136.
2. Доминик Самсон Норманд де Шамбур. От упавшего с неба брата до признанного брата. Краткие пометки на полях мансийской литературы // Мансийская литература / Сост. В. Огрызко. – М.: Литературная Россия, 2003. С. 74–100.
3. Мансийские «песни о судьбе» («личные песни») в записи Артуру Каннисто 1901–1906 гг. / автор-сост. Т. Д. Слинкина. – Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2013. – 110 с.
4. Новикова Н. О чём и почему молчат аборигены? // <https://journals.openedition.org/efo/5009?lang=en>.
5. [Иринарх Семёнович Шемановский] Православный благо- вестник. – М., 1903. № 17. С. 36–42.
6. [Иринарх Семёнович Шемановский] Православный благо- вестник. – М., 1910. – № 3. – С. 130–134.
7. [Иринарх Семёнович Шемановский] Православный благо- вестник. – М., 1910. – № 5. – С. 222–228.
8. Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение: этнографические и статистические исследования с приложением статистических таблиц. – СПб.: Изд. И. М. Сибирякова, 1891. – 308 с.
9. Dominique Samson Normand de Chambourg, La guerre perdue des Khantes et des Nénètses des forêts (la soviétisation dans le district Ost'jako- Vogul'sk, 1930–1938) // Études mongoles et sibériennes. Une Russie plurielle. Confins et profondeurs, Paris, Centre d'Études Mongoles & Sibériennes/ École Pratique des Hautes Études. – 2007/2008, no. 38–39. – p. 119–195.
10. Henri Meschonnic L'oralité, poétique de la voix // Pour une anthropologie de la voix, N. Revel et D. Rey-Hulman (dir.). – Paris: L'Harmattan et Publications Langues'O, 1993. – Pp. 83–107.